

Как приспособить память

О том, как госСМИ отмечали 80-летие освобождения лагеря смерти Аушвиц и при чем тут современная политика

Уцелевшие узники Освенцима, 1945 год. Фото: imago stock&people / ТАСС

11:49, 29 января 2025,

Михаил Эдельштейн

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Есть традиция: каждый год 27 января, в день освобождения Аушвица, российское телевидение, информагентства и даже государственные ведомства говорят о 4 миллионах погибших в этом лагере. Вот и в нынешнем году Russia Today и другие телеканалы сообщили, что, «согласно данным ФСБ, в общей сложности жертвами нацистских палачей и их пособников стали не менее 4 млн человек». На самом деле это число завышено почти в четыре раза — по принятой историческим сообществом оценке, в Аушвице было убито от 1 до 1,1 миллиона человек. Что, разумеется, не менее чудовищно и никак не влияет на оценку злодеяний нацистов.

Откуда же взялась цифра 4 миллиона и при чем здесь ФСБ?

Эта история началась 15 лет назад, в 2010 году. Тогда, к 65-летию освобождения лагеря, научный сотрудник архива ФСБ Владимир Макаров [дал интервью](#) «Интерфаксу». В этом интервью он среди прочего рассказал о хранящихся в архиве отчетах Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников от 1945 года, где фигурировали эти самые 4 миллиона жертв.

Начнем с того, что оригиналы всех материалов ЧГК находятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), они открыты для исследователей, документы из соответствующего фонда постоянно публикуются. В архиве ФСБ есть копии, они также доступны. То есть эти документы не секретны, о чем говорил и Макаров.

Но ссылаться на данные ЧГК без дополнительной проверки к 2010 году уже давно было «не комильфо». Историкам прекрасно известно, что

в отчетах комиссии часто наблюдается «склонность к завышению», любые почерпнутые оттуда данные о числе жертв нуждаются в коррекции. И это, как правило, вопрос даже не идеологии, а скорее методологии.

Сотрудники ЧГК шли по целине, работали в экстремальных условиях. Собранные ими данные чрезвычайно ценны и сохраняют значение первоисточника. Но у них не было того корпуса материалов и тех технических возможностей, которые есть у нас, не было времени на перепроверку полученных сведений.

А перепроверка всегда необходима, особенно если речь идет о показаниях свидетелей. Ужас, пережитый узниками лагерей, нередко заставлял их многократно преувеличивать число погибших. Скажем, Александр Печерский, руководитель легендарного восстания в другом лагере уничтожения — Собибор, в своих первых, еще военного времени, обращениях в официальные инстанции говорил то о 500 тысячах убитых за полтора года существования лагеря, то даже о 2 миллионах. При этом Печерский, пробывший в лагере три недели, ссылался на сведения, полученные от «старых лагерников». Между тем в Собиборе, по принятой ныне оценке, погибло около 180 тысяч человек.

В случае же с Аушвицем получилось и вовсе нелепо. Дело в том, что по состоянию на 2010 год сведения о 4 миллионах жертв были не новыми, а, наоборот, старыми, точнее, устаревшими данными. Материалы расследования ЧГК по Аушвицу никогда не были секретом, часть отчетов публиковалась в советской прессе сразу по их появлении, в 1945-м. Там видны и

источниковая база, и методика подсчетов. Сотрудники советско-польской экспертной технической комиссии, на заключение которой ссылается ЧГК, опрашивали бывших узников и пленных эсэсовцев, исследовали пропускную способность крематориев и газовых камер. По совокупности данных они и вывели эту цифру — 4 миллиона.

И потом это количество на протяжении десятилетий фигурировало в исследовательской литературе, включая все издания мемориала Аушвиц. Окончательно пересмотрено в сторону уменьшения оно было уже в 1990-х, и новые данные были приняты научным сообществом.

Лагерные архивы. Фото: picture alliance / Roland Witsch

А в 2010-м произошло то, что произошло. То ли отдельно взятому сотруднику нужно было срочно подготовить к дате подборку архивных материалов, и он, не будучи специалистом

по теме, не разобрался, что к чему, то ли его начальству для чего-то понадобилось отчитаться об «открытии» — так или иначе, из недр ФСБ вынырнула эта «сенсация», которая была прекрасно известна уже за 65 лет до того. А российские СМИ, замороженные словами «ФСБ» и «архивы», растиражировали информацию из интервью Макарова. Так и пошло. Удивительно, что до сих пор никто эти сведения не дезавуировал и не указал на очевидную ошибку, но так уж устроены современные российские госорганы и медиа.

Если не считать традиционной путаницы с числом жертв, в этом году юбилей освобождения Аушвица в российских СМИ отметили без эксцессов. Разве что к привычным уже обвинениям «всей Европы» в сотрудничестве с нацистами добавился сравнительно новый лейтмотив — «это всё поляки».

Так, ФСБ в очередных опубликованных к дате документах подробно рассказала о Юзефе Печке — польском солдате, узнике Аушвица, попавшем в лагерь за уклонение от призыва в германскую армию и ставшем капо (так назывались внутрилагерные полицейские из числа заключенных). Впрочем, ценность его показаний несколько снижает сделанная публикаторами (видимо, в назидание всем нынешним и будущим коллаборационистам) приписка: «Во время следствия Ю. Печка заболел шизофренией и был направлен на лечение в психиатрическую больницу». Это не помешало ведущим российским СМИ пересказать материалы допроса Печки, где он описывает, как капо издевались над другими узниками.

На РИА «Новости» солировал бывший глава Центра общественных связей ФСБ Олег Матвеев, рассказавший про того же Печку и еще двух поляков-капо, а заодно обличивший «массово сотрудничавших» с нацистами украинцев и заодно «Мемориал»*.

К сожалению, в этот спецслужбистский хор влился и президент Федерации еврейских общин России Александр Борода, давший большое интервью телеканалу «Россия 24». Рав Борода сообщил, что «в большинстве концентрационных лагерей на территории Польши немцы были только руководством, а всю черную работу выполняло местное население», а это не так: местное население к лагерям никто и близко не подпускал. Если уж говорить про «черную работу», то ее во многих лагерях выполняли так называемые вахманы — охранники, в основном из числа военнопленных, пошедших на сотрудничество с нацистами. При этом в перечень освобожденных Красной армией лагерей Борода зачем-то добавил уже давно не существовавшую к моменту прихода советских войск Треблинку. В общем,

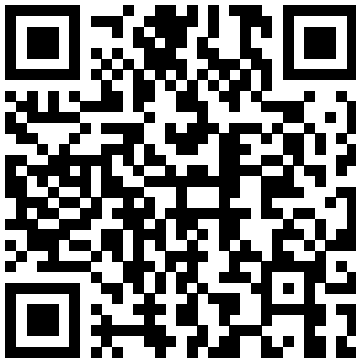
инструментализация памяти о войне и нацистских лагерях идет полным ходом.

Правда, нужно признать, что Россия тут хоть и среди лидеров, но отнюдь не одинока.

История во многих странах остается заложницей политики, и было бы неоправданным оптимизмом полагать, что в близком будущем ситуация изменится.

* Властями РФ организация признана «иноагентом» и ликвидирована.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Неудобная память

О том, как российский либерализм проиграл
госпропаганде один из главных ее инструментов
— память о Великой Отечественной войне

12:44, 10 августа 2024, Михаил Эдельштейн